

На сходство книги и театра обращали внимание многие исследователи книжного искусства. В журнале «Советское фото» за 1986 год в статье «Фотографический театр книги» Александр Лаврентьев указывает на театральную черту книги и прежде всего детской. От себя добавлю книгу художника, которая раскладывается, имеет распашные листы, объемные детали, вырубки, сложную конструкцию, нестандартную геометрию и пр. Среди героев этой статьи я встретил имя Александра Райхштейна, с которым познакомился в начале двухтысячных.

Знакомство это состоялось у меня в мастерской, тогда Александр и его коллега и соавтор многих проектов Вера Хлебникова приехали в гости, Вера из Москвы, а Саша из Хельсинки. К тому времени он уже был финским художником, правда, не порывающим связей с Россией. Через два года мы в той же компании встретились в финском городе Раума, на первой международной выставке книги художника, организованной музеем современного искусства. Уследить за творчеством Александра Райхштейна, разнообразием материалов, в которых он работает, а главное, географией выставок - не просто. Поэтому рассказ героя настоящей публикации мы услышим, как говорится, из первых уст, от него самого. Мне же остается периодически задавать ему вопросы и стараться следить за тем, чтобы наш разговор далеко не отклонялся от книги художника и книжного искусства.

Александр, Вы более двадцати лет живете в Финляндии. То, что Вы хорошо интегрированы в художественную жизнь на Западе, видно из Вашего персонального сайта. А как Вы ощущаете себя, как художник книги в Финляндии?

Амбивалентно! Действительно, я странным образом продолжаю ощущать себя книжным художником, хотя книг – по заказу издательств или по собственному почину – делаю теперь совсем немного. Гораздо больше занимаюсь в последнее время скульптурой, инсталляцией и выставочной архитектурой. Впрочем, если вспомнить мои инсталляции из **списанных книг** или архитектуру **выставки финской детской книжной иллюстрации**, то и это все ведь в каком-то смысле работа с книгой.

Помню, что работа со списанными книгами стала для меня тогда – в начале 90-х – настоящей отдушиной, поскольку финским языком я в то время как следует не владел и в реальной издательской жизни участвовал с трудом. В то же время оказалось, что, играя с книжной формой, я говорю на универсальном, всем понятном языке.

Какая из Ваших работ особенно известна на «российских просторах»?

Не сомневаюсь – для нынешнего поколения детей и молодых взрослых я – в первую очередь один из родителей **«Поросенка Петра»**. Когда я делал (по собственной инициативе) картинки к замечательным историям Л.Петрушевской о Поросенке Петре, я думал, что делаю книги для самых маленьких, и не мог предположить, что сей персонаж станет любимцем молодежи и героем Интернета. Так что его новые приключения происходят в сети уже без ведома его афтароф.

Другая читательская группа знает меня как дизайнера вышедшего в прошлом году четырехтомника Ольги Седаковой. Думаю, нелегко найти что-либо общее между двумя этими изданиями!

Я знаю о сложном отношении профессиональных дизайнеров, да и иллюстраторов, к книге художника. На то есть свои причины, хотя за последние годы многое изменилось и в этих отношениях. Из своего опыта участия в западных салонах книги художника, могу сказать, что к моему стенду часто подходили студенты, будущие графические

дизайнеры, которых направляли на выставку их профессора, поучиться креативу и нестандартным решениям. Как Вы, выпускник московского полиграфического института, относитесь к книге художника?

Люблю. Интересуюсь. Иногда делаю сам. В последнее время что-то выходит не особенно часто - просто я занимаюсь этим приятным делом лишь тогда, когда именно книжная форма (пусть в самом необычном исполнении) адекватна пришедшей в голову идее. До чего весело работать с излюбленной формой, когда нет никакой необходимости оглядываться на мнение отдела маркетинга или технологические ограничения! Книга **holiday reading** играет с родством книжных листов и листьев деревьев, так что на засушенных среди страниц книги экзотических листьях проступают мгновения давно пролетевшего отпуска. **Скучная книга**, в свою очередь, основана на сходстве архитектуры и бюрократического бланка, и мы, листая книгу, словно совершаем прогулку по очень знакомому унылому городу, построенному из квитанций, смет и наряд-заказов.

Ваша книга художника, как правило, это книжный объект или инсталляция. В рецензии на одну из таких инсталляций я прочитал, что именно в этих объемных проектах Вы так успешно реализуете себя как книжный художник.

А, это, кажется, из статьи Марии Коростелевой к каталогу моей выставки **NEST**. Получается, что мои инсталляции подобны внутреннему пространству книги, такому «зазеркалью», где жизнь идет по совсем необычным правилам. Кроме того, моя инсталляция считывается зрителем постепенно, в определенной последовательности элементов, и зачастую в ее основе лежит какая-то история. Да что и говорить – многие проекты напрямую построены на сюжетах или образах из книг. Вот хоть вспомним для примера выставку, посвященную знаменитым **медведям** детской литературы.

Последние годы Вашей аудиторией являются дети, в том числе совсем маленькие. Очевидна связь Ваших детских книжек с интерактивными инсталляциями из разборной скульптуры. Именно в этих проектах Вы стали посланцем Финского искусства. Финский художник Александр Райхштейн хорошо известен питерской малышне. В декабре 2011 года Вы показывали одну из своих инсталляций в молодежном выставочном центре Эрмитажа. Несколько слов о «разборной книге художника».

Честно говоря, сам не знаю, что это за жанр такой. Не то инсталляция, не то перформанс с участием зрителей, не то пазл, не то, действительно, гигантская книжка-игрушка... Суть дела в том, что ленивый автор (то есть я) не создал самого главного: того «художественного целого», о котором так любили раньше рассуждать искусствоведы. Бездельник лишь изготовил и разбросал по залу **фрагменты и обломки**, а из них любой посетитель – превратившись вдруг в соавтора – может сам сложить скульптуру по своему вкусу. Фокус в том, что фрагменты выглядят как каменные и страшно тяжелые, но при этом их может поднять и ребенок. Вдобавок к этому, куски прирастают друг к другу, если их соединить... в общем, чудеса, да и только. И все это дает возможность бесконечно строить и перестраивать, создавать и улучшать, делать и переделывать. Нет никакого единственно верного решения, и нет опасности оплошать и сделать ошибку. Зато можно задуматься: не так ли работает наше собственное сознание, редко решаясь на изобретение подлинно нового, но предпочитая необычную комбинаторику знакомых элементов?

Последняя моя работа также основана на книге, а именно книге шведского художника Карла Ларссона (1853 – 1919) «Дом», в которой он рассказал – при помощи виртуозных акварельных рисунков - о жизни своей семьи. Ларссон изобразил со всеми подробностями чуть ли не каждую стену каждой комнаты в своем доме, и мне пришлось в

голову увеличить крохотные акварели до размера стен и построить из них помещения. Оказалось возможным заглядывать из одной комнаты в другую через окошки в картинах-стенах, открывать и закрывать дверки в изображении, обнаруживать спрятанные внутри картин книжки и игрушки... При этом свет струится в инсталляцию прямо через поверхность картин. Для каждой комнатки придумана своя затея – можно играть в куклы и кубики в детской, рисовать и мастерить в студии художника, готовить еду на старинной кухне, переодеваться в одежду детей тех времен или играть в викингов в настоящей старинной лодке. Войдя в эту инсталляцию-книгу, посетитель погружается в особый идиллический мир, полный света, тепла, игры и беспрестанной работы. Инсталляция «Дѐма у Ларссонов» является частью большой выставки Карла Ларссона в музее Атенеум (Финская национальная галерея), которая открыта до 29.04.2012. Приходите поиграть внутри книги!